

ченію, что вопросъ о сифилисѣ не можетъ быть выдѣленъ особо, а является въ строгой и тѣсной связи съ общей картиною болѣзненности его (русскаго народа), и поэтому борьба съ однимъ неразрывно предполагаетъ и борьбу со всѣми остальными санитарными бѣдствіями". Безъ сомнѣнія, трудъ г. Герценштейна долженъ обратить на себя вниманіе земскихъ и общественныхъ дѣятелей, интересующихся вопросами народнаго здоровья и благосостоянія. — Л. —

— Закавказскіе сектанты въ ихъ семейномъ и религіозномъ быту. Николая Дингельштедтъ (а). Спб. 1885.

Въ нашей литературѣ послѣдняго времени замѣчается одно явленіе, прежде мало или совсѣмъ не встрѣчавшееся — смѣшеніе разныхъ родовъ литературы въ одномъ произведеніи, напр., соединеніе исторіи, публицистики, этнографіи и т. п. съ одной стороны и беллетристики съ другой. Критика начинаетъ обращать на это вниманіе и высказываться противъ такого смѣшенія, гдѣ всего чаще обѣ стороны литературнаго произведенія страдаютъ отъ неудобнаго сосѣдства: исторія становится плохой исторіей отъ сосѣдства беллетристическихъ украшеній, или беллетристика связана сосѣдствомъ хронологіи (не допускающей вмѣшательства „творчества“) и т. п. Самый крупный примѣръ подобнаго смѣшенія представляютъ послѣднія сочиненія Глѣба Успенскаго, который давно уже дѣлаетъ свои очерки поприщемъ для публицистическихъ разсужденій и цѣлыхъ теорій народной бытовой нравственности, какъ во „Власти земли“. Это послѣднее соединеніе — публицистики и беллетристической этнографіи — мы сочли бы наиболее естественнымъ и извинительнымъ по самой сущности дѣла. Современная народная жизнь находится теперь въ такомъ смутномъ переходѣ отъ быта, несомнѣнно нарушеннаго и даже разрушеннаго, къ другому быту, который только-что складывается теперь подъ новыми условіями и чѣмъ будетъ — покрыто мракомъ неизвѣстности, что беллетристу-наблюдателю естественно отвлечься отъ наблюдаемой картины къ ея соціальному и даже національному смыслу. Мы не имѣли бы ровно ничего противъ „Власти земли“ по ея литературной манерѣ, хотя имѣли бы многое противъ собственно публицистической мысли этого произведенія.

Но въ другихъ случаяхъ, гдѣ подобное смѣшеніе не оправдывается ни существомъ дѣла, ни выдающимся талантомъ писателя, гораздо полезнѣе было бы, еслибы господа писатели опредѣляли себѣ точнѣе, чтó, собственно говоря, они желаютъ сдѣлать: желаютъ ли заняться этнографіей или беллетристикой, хотятъ ли дать серьезную книгу или нѣчто для увеселенія читателя. Вслѣдствіе этой неясности литературныхъ цѣлей, литература въ послѣднее время наводнена книгами